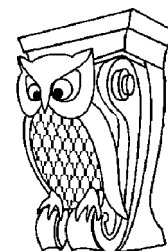

Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: История. Международные отношения. 2023. Т. 23, вып. 2. С. 167–172
Izvestiya of Saratov University. History. International Relations, 2023, vol. 23, iss. 2, pp. 167–172
<https://imo.sgu.ru> <https://doi.org/10.18500/1819-4907-2023-23-2-167-172>, EDN: WVVVSO

Научная статья
УДК 271.2(470+571)(09)+929 Илиодор

Антисемитская риторика иеромонаха Илиодора (Труфанова) как отражение кризиса Русской Православной Церкви в начале XX века

М. С. Мулевая

Саратовский национальный исследовательский государственный университет имени Н. Г. Чернышевского, Россия, 410012, г. Саратов, ул. Астраханская, д. 83

Мулевая Мария Сергеевна, аспирант кафедры отечественной истории и историографии, mariamulevaya@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0001-8101-6597>

Аннотация. В статье анализируется антисемитская риторика иеромонаха Илиодора (Труфанова) как одного из скандальных церковных деятелей Российской империи начала XX в. В контексте синодального кризиса рассматривается процесс политизация Русской Православной Церкви путем превращения ее в инструмент обслуживания национальной идеологии. Маркером кризиса церковной и всей государственной системы стал еврейский вопрос, раскрывающий причины упадка синодальной системы и политизация духовенства. Взгляды иеромонаха Илиодора – яркое тому подтверждение.

Ключевые слова: еврейский вопрос, антисемитизм, имперский национальный дискурс, Союз Русского народа (СРН), Русская Православная Церковь (РПЦ), иеромонах Илиодор, Саратовская епархия

Для цитирования: Мулевая М. С. Антисемитская риторика иеромонаха Илиодора (Труфанова) как отражение кризиса Русской Православной Церкви в начале XX века // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: История. Международные отношения. 2023. Т. 23, вып. 2. С. 167–172. <https://doi.org/10.18500/1819-4907-2023-23-2-167-172>, EDN: WVVVSO

Статья опубликована на условиях лицензии Creative Commons Attribution 4.0 International (CC-BY 4.0)

Article

Anti-Semitic rhetoric of Hieromonk Iliodor (Trufanov) as a reflection of the crisis of the Russian Orthodox Church at the beginning of the XX century

M. S. Mulevaya

Saratov State University, 83 Astrakhanskaya St., Saratov 410012, Russia

Maria S. Mulevaya, mariamulevaya@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0001-8101-6597>

Abstract. The article analyzes the anti-Semitic rhetoric of hieromonk Iliodor (Trufanov) as one of the most scandalous Clerical figures of the Russian Empire in the early XX century. The process of politicization of the Russian Orthodox Church for legitimizing power and serving the national ideology in the context of the Synodal crisis is reviewed. Many clergymen were the spiritual leaders of legal monarchical organizations and thus supported their national policies. The Jewish issue became a marker of the crisis of the Church. The views of hieromonk Heliodorus are the clear confirmation of this.

Keywords: jewish issue, antisemitism, imperial national discourse, Union of the Russian people, Russian Orthodox church (ROC), hieromonk Iliodor, the diocese of Saratov

For citation: Mulevaya M. S. Anti-Semitic rhetoric of Hieromonk Iliodor (Trufanov) as a reflection of the crisis of the Russian Orthodox Church at the beginning of the XX century. *Izvestiya of Saratov University. History. International Relations*, 2023, vol. 23, iss. 2, pp. 167–172 (in Russian). <https://doi.org/10.18500/1819-4907-2023-23-2-167-172>, EDN: WVVVSO

This is an open access article distributed under the terms of Creative Commons Attribution 4.0 International License (CC0-BY 4.0)

В начале XX в. в деятельности Русской Православной Церкви (РПЦ) прослеживались те же кризисные тенденции, что и во всей государственной структуре. Неспособность российского правительства адаптировать свои имперские искания ввиду слабости и архаичности функци-

онала традиционных институтов впоследствии привела к тотальной трагедии официального православия. РПЦ все больше отдалялась от своей паствы, становясь замкнутой бюрократической ячейкой и отдельным звеном в составе аппарата власти. Факт синодальной разлуки признавал

П. А. Столыпин в одном из писем Николаю II, подчеркивая ее политическую обусловленность [1, с. 84–85]. В конечном итоге в результате усиления контроля со стороны государства и потери самостоятельности на рубеже XIX–XX вв. Церковь вступила в полосу кризиса, во многом предупредившего ее дальнейшее существование уже после падения самодержавия.

Подрыв авторитета Церкви привел к активизации рационалистических сект и иных антиклерикальных движений, среди последователей которых были не только выходцы из простого народа, но и представители дворянства и интеллигенции. Невзирая на сложившуюся не благоприятную ситуацию, РПЦ оставалась не только частью государственного аппарата, но и институтом господствующей национальной религии, что, безусловно, наделяло ее закрепленными в законодательстве привилегиями [2, с. 391]. Она все еще имела вес в общественной жизни за счет тенденций усиления церковной печати, создания религиозных братств, чья деятельность была направлена на агитацию населения для обеспечения лояльности и поддержки государства со стороны электората. Столь значительное место, занимаемое РПЦ, позволило наиболее видным ее представителям активно участвовать в политической жизни империи через Государственную думу и правые партии.

Вместе с тем в это время отмечалась беспрецедентная активность ряда представителей духовенства, которая совершенно не соотносилась с занимаемым ими весьма скромным положением в структуре церковной иерархии. Нравственный облик большинства из них, особенно тех, кто был позже канонизирован, никак не соответствовал образцу скромного пастырского служения. Опасные авантюры и скандальные высказывания «прославили» некоторых священнослужителей далеко не с лучшей стороны. В связи с этим можно говорить о трансформации духовенства из келейных проповедников в политических игроков.

Политизация и активные антиреволюционная и промонархическая позиции сблизили РПЦ с черносотенными организациями, имевшими довольно сомнительную репутацию. Известные духовные лица не только активно участвовали в деятельности монархических партий, но и являлись их лидерами, постоянными членами или главами местных отделений в своих епархиях. Это несмотря на то, что функционирование данных организаций, выражавшееся в призывах к погромам, во многом основывалось на насилии и ненависти по отношению к иноверцам.

Союзу русского народа (СРН) и подобным ему партиям придавалось значение своеобразных духовных орденов, народных ополчений, боровшихся с врагами Российской империи во имя незабвенных постулатов «Православия,

Самодержавия, Народности» [3, с. 8]. Соответствующие партийная атрибутика и символика, а именно знамена и хоругви, праздники и памятные даты также связывались с религиозными традициями. В руках черносотенцев был козырь под названием вера в Бога и его наместника – царя. По их логике, если большая часть населения мыслит в рамках данной парадигмы, а конституционные и антимонархические чаяния видят происками «жидов и революционеров», то в существующих реалиях она применима и имеет право на существование. Соответственно, союзничество с РПЦ стало необходимым и в то же время взаимовыгодным. Участие православного духовенства в какой-то степени легитимировало, особенно среди крестьянского и рабочего населения, далеко не всегда законную и «христианскую» деятельность черносотенных организаций, поскольку доля представителей РПЦ составляла всего около 3% от общего числа членов данных партий, но при этом их авторитет и влияние были неоспоримы [4, с. 120].

Представители РПЦ сыграли ключевую роль в конструировании и проведении в массовом сознании антиеврейской риторики в контексте правомонархического движения. Становление широкого еврейского дискурса нашло отражение в СМИ, партийных идеологиях, различных общественных и церковных нарративах. Антисемитские взгляды базировались преимущественно на религиозной, общественно-политической и экономической основах. Расовый подтекст о вирулентности и нечистоте евреев не играл практически никакой весомой роли из-за сложности его восприятия, требующего определенной научной подготовки, о наличии которой у значительной массы говорить не приходится [5, с. 33]. Выступая категорически против еврейского равноправия, черносотенцы призывали к дальнейшему ограничению и желательному последующему выселению евреев из Российской империи, путем создания невыносимых условий для их проживания на данной территории.

Обычным делом было присутствие антисемитских высказываний на страницах православных газет, разжигавших в умах населения ненависть к евреям. В издании «Руководство черносотенца-монархиста» четко прописана их принадлежность к внутренним врагам Российской империи, которые действуют с помощью революционной пропаганды, террора и финансовой поддержки всякого рода действий, направленных на свержение монархии [6, с. 8]. Осуществляя поддержку монархических партий, представители РПЦ вынуждены были соглашаться с их открытым антисемитизмом, инкорпорируя антиеврейскую риторику в свою пропаганду.

В среде провинциального духовенства начала XX в. снискал славу активного члена СРН, защитника православия и самодержавия, противника революционных идей и ярого антисемита

«безумный монах», как позже было названо его автобиографическое произведение, иеромонах Илиодор (Труфанов). В историографии его деятельность получила довольно широкое освещение. В частности, следует отметить современные изыскания таких исследователей, как Я. А. Седова [7], М. Л. Хижий [8], С. А. Степанов [5], А. И. Мраморнов [9], О. Ю. Редькина [10], М. Ю. Крапивин [11]. Однако, имея довольно широкую источниковую базу, антисемитский аспект его риторики как маркер кризисных тенденций в церковной структуре до сих пор не был рассмотрен в полной мере.

Имя иеромонаха Илиодора поистине гремело на всю Россию, что приводило к конфликтам как с местной администрацией, так и с Синодом. За его одиозной личностью тянулся шлейф беспрецедентных скандалов и беспощадной критики, разносившейся далеко за пределы Саратовской губернии. В общей сложности в рассматриваемый период епархия стала местом концентрации ярких монархистов и антисемитов, преимущественно из церковной среды, которая смогла монополизировать местное отделение СРН, переименовав его в 1907 г. в Православный Всероссийский Братский Союз Русского Народа (ПВБСРН). Крупной фигурой местных правых являлся руководитель и духовный лидер упомянутой выше организации епископ Саратовский и Царицынский Гермоген (Долганов), правой рукой которого фактически был иеромонах Илиодор, занявший следующее за ним место в партийной иерархии [12, с. 223].

Вплоть до своего увольнения из Саратовской епархии в январе 1912 г. иеромонах находился под защитой и покровительством епископа Гермогена, симпатизировавшего молодому и амбициозному коллеге. Он оказывал ему значительную поддержку, особенно в вопросе крайне негативного отношения к инородцам. Теплые отношения со своим патроном укрепили воинствующую позицию иеромонаха по охране православной веры и искоренению врагов Отечества. Илиодор нередко в письмах и телеграммах жаловался епископу Гермогену на несправедливые обвинения его в революционной наклонности [13, л. 41]. Он объяснял свои действия исключительным желанием пробудить любовь православных людей к Святой Церкви, донести до них мысль о роли самодержавного царя для русского государства. Оправдываясь за призыв к борьбе с инородческим засильем, иеромонах просил владыку о защите перед Синодом от газетной клеветы.

Любопытные стороны личности Илиодора, главным образом, излишняя политизированность и радикальность взглядов проявились задолго до службы на Царицынском подворье Свято-Духова монастыря Саратовской епархии и были негативно оценены современниками, как церковными деятелями, так и светскими. Резкие вы-

ступления, претенциозный характер проповедей, активно публиковавшихся в промонархических газетах «Почаевские известия», «Русское знамя», «Вече», характеризовали иеромонаха Илиодора еще в период его пребывания в Почаевской лавре на Волыни. Именно за это в 1908 г. его перевели в Саратовскую епархию и по той же причине он окажется высланным из нее в начале 1912 г. [8].

В высказываниях, произносимых во время богослужебных проповедей, иеромонах обычно не стеснялся в выражениях по отношению к богатым, представителям интеллигенции и власти, революционерам и «жидам». Вызывающее поведение, антиобщественные призывы и вредная агитация провоцировали конфликты с уездной администрацией и Саратовским градоначальником. К примеру, в одной из проповедей он назвал представителей власти жуликами, мошенниками и «жидомасонами», а губернатора С. С. Татищева и министра П. А. Столыпина призвал выпороть нагайками на конюшне [14, с. 25]. Прибегая к столь тенденциозным и обличительным речам, иеромонах тем самым пытался обеспечить себе популярность и авторитет среди аудитории, преимущественно неграмотного, но набожного и легковверного населения. Мотивацию своих действий о. Илиодор объяснял пастырским правом ругать развратников ради блага Святой Церкви [15, л. 135].

Особое место во взглядах иеромонаха занимал национальный вопрос. О ненависти по отношению к фабрикантам, заводчикам, богачам и инородцам, проявлявшейся в его проповедях, пишет Саратовский губернатор С. С. Татищев в письме епископу Вольскому Досифею [15, л. 22]. В контексте данного вопроса представляет интерес рапорт начальника Саратовского губернского жандармского управления на имя Саратовского губернатора от 11 ноября 1909 г. со ссылкой на интервью Илиодора с корреспондентом газеты «Славянский листок» относительно его службы в Почаевской Лавре, в котором он рассказал о том, как со страниц «Почаевского листка» провоцировал местное население на насильственные меры против «жидов». Деятельность иеромонаха имела настолько сильный эффект, что многие готовы были ехать в Петербург для борьбы с противниками царской власти. На реплику корреспондента о незаконности подобных действий Илиодор лишь отвечал, что так наоборот можно, должно и следует поступать [15, л. 52]. О ненависти к евреям Илиодор поведал журналисту газеты «Саратовский листок», прямо говоря о необходимости их истребления, «пожалуй, не перевешал бы всех к ряду, но вот разверзлись сейчас земля и поглотит этот народ со всеми их сокровищами, – я бы отслужил молебен» [16, с. 2].

По мнению иеромонаха, «жиды» оказывают пагубное воздействие на православный русский

народ. Революционные идеи он называет про-исками жидов, отрицающих Бога и роль царя, призывающих к свержению власти государя, дабы самим управлять Россией [17, с. 5]. В связи с этим следует разобраться с понятием «жид» – ключевым в его риторике. Одним антисемитизмом взгляды иеромонаха объяснить нельзя. Безусловно, его антиеврейские настроения с примитивными и обобщенными представлениями вписывались в рамки национального дискурса. Кроме того, «жид» – не столько архетип, состоящий из комплекса общественных стереотипов, мировоззренческих установок и религиозных представлений, сколько конструкт «образа врага», обобщенное наименование тех, кто отрицает Бога и власть русского царя, вне зависимости от этнической и религиозной принадлежности. Анализируя тексты проповедей, можно отметить многократное повторение устойчивой формулировки, в которой содержится перечень тех, кто, по мнению иеромонаха, является врагом Отечества: «жиды», русские дураки, развратники, безбожники и революционеры. Их Илиодор считает не менее вредными для благоприятного течения жизни Российского государства. В то же время вера – главный критерий и маркер антипода «жида», так как, по утверждению самого иеромонаха, «будь то татарин, но пусть верует в бога, не задевает православную веру, не как “жиды”, которые в бога не веруют и смеются над ним» [18, л. 45, 46].

В риторике Илиодора к категории «жиды» причислялись также актеры и писатели, в частности Л. Андреев, автор скандально известной пьесы «Анатэма», за запрещение которой иеромонах яростно боролся совместно с епископом Гермогеном. «Полон Царицын набит этой паршивой жидовней», – резюмирует он в заключении одной из проповедей [15, л. 123]. Часто объектами ненависти Илиодора становились журналисты, презрительно называемые им газетными стервятниками за беспощадную критику в его адрес, а также жандармы, намеренно искажавшие в своих рапортах слова иеромонаха.

В воззвании «Правда о Союзе Русского Народа, Союзе русских людей и других монархических партиях» Илиодор обвиняет «жидов» и безбожников в осквернении храмов и православных святынь. В качестве примера приводится случай, имевший место в Екатеринославской губернии, в г. Александров, когда во время пасхальной службы «злодеи» ворвались в храм, бросили туда бомбы, а прихожан изрезали кинжалами [19, с. 2–3]. Еще один инцидент произошел в Московской губернии, в с. Медведниковцы. Преступники кощунственно уничтожили чудотворную икону, разбили стекло топором и похитили драгоценную ризу. Бросившегося защищать святыню священника убили на месте. Основной посыл воззвания – призыв к защите православной веры и самодержавной власти от поругания

нечестивыми безбожниками и революционерами путем объединения двух антагонистических групп (крестьян и помещиков) для совместного выступления против инородцев.

О ненависти к евреям иеромонах Илиодор упоминает в автобиографическом произведении, написанном в США после его бегства из советской России в 1918 г. [20, р. 41]. Во взглядах бывшего иеромонаха, на тот момент просто С. М. Труфанова, они представляли источником мирового зла, потомками иудейских жрецов, преследовавших исключительно собственные интересы, при этом ничем особенно выдающимся не отличавшихся. Именно поэтому он не может назвать ни одного еврейского деятеля науки или искусства. В целом аргументы базируются на существующих в обществе стереотипных конструктах об убийстве христиан для употребления их крови и еврействе как среды, из которой в будущем выйдет Антихрист. В своей книге Труфанов признает, что о жизни объекта своей антипатии ему было почти ничего не известно, а его ненависть основывалась исключительно на религиозном фанатизме [20, р. 41].

Что касается еврейских погромов, то иеромонах не видел в них проявления человеческого произвола, тем самым он защищал погромщиков, прикрывая их злодеяния божьей волей и правосудием. По его мнению, применение насилия против евреев начато не русским человеком. Оно известно с тех пор, когда Господь проклял их и рассеял по Земле. Таким образом, погром – это не что иное, как заслуженное возмездие, расплата за грехи, а для православных русских людей – это способ охраны собственной веры, царя и Отечества [15, л. 77].

Между тем риторика Илиодора вызывала вовсе не беспочвенные опасения со стороны Саратовской администрации. В письме губернатора С. С. Татищева епископу Гермогену от 23 сентября 1908 г. Сергей Сергеевич просит владыку оказать влияние на деятельного иеромонаха, который в своих проповедях затрагивает «еврейский вопрос», призывая к погромам над евреями [21, л. 210]. Надеясь также найти помощь в лице министра внутренних дел и бывшего Саратовского губернатора П. А. Столыпина, Татищев сообщает ему о своих беспокойствах по поводу настроений населения г. Царицына. Призывы Илиодора «бить и вешать евреев» могут спровоцировать беспорядки и даже погром [21, л. 214, 216]. Он также жалуется на епископа Гермогена, который не принимает меры против иеромонаха, хотя Татищев его об этом не раз просил.

В свою очередь многочисленные сторонники Илиодора утверждали, что он никогда не занимался подстрекательством к погромам. В них виноваты сами «жиды» и русские дураки. Более того, они уверены в чистоте намерений иеромонаха, который никогда не допустит кровопролития. Однако распускаемые слухи о перепи-

си еврейского населения г. Царицына и скором их выселении из города и, наконец, телеграмма, помещенная в газете с агитацией к погрому, наводят на мысль о его непосредственной причастности к насильственным акциям [22, л. 47].

Между тем беспрестанный полицейский надзор за бурной деятельностью иеромонаха зачастую был не в силах пресекать его выходы, хотя и предпринимались меры для сдерживания чересчур активного священнослужителя. Органы полиции реагировали на жалобы со стороны местных евреев, причиной которых становился провокационный характер его действий. Например, 29 августа 1911 г. на монастырской площади толпа прихожан собралась на сожжение чучела «жида», но, узнав об этом, полицмейстер поставил в известность Илиодора, что не допустит подобного безобразия [18, л. 50].

Незадолго до несостоявшегося эпизода, 15 августа 1911 г., имел место инцидент, ставший апогеем антиреволюционных и антисемитских взглядов иеромонаха Илиодора. В тот день в монастырском храме иеромонах произнесил проповедь, после чего на прилегающую площадь был вывезен картонный дракон на колесах, раскрашенный маленькими красными и черными флагами с надписями на шее, боках и крыльях гласивших: ««Жидовство», революция, толстовцы, кадеты, демократы, безбожники, «жиды» богохульники и русские дураки» [18, л. 44]. Также был прикреплен шест с картонкой: «Аз есм революция, жена дьявола. В утробе моей сидят «жиды» и русские дураки-безбожники. Скоро придет конец мой». После вечернего богослужения дракона отвезли в овраг и подожгли под крики толпы прихожан: «Анафема, ура, «жиды» и русские дураки горят» [18, л. 45]. Многие бросали в него камни и плевались. Сожжение картонного змея олицетворяло собой уничтожение врагов России и революционного начала в целом.

За время службы в Саратовской епархии положение о. Илиодора в обществе значительно укрепилось, что в целом негативно отразилось на его поведении. Имея защиту и расположение со стороны влиятельных покровителей, не только в лице епископа Гермогена, но и И. Кронштадтского, Г. Распутина и даже самого царя Николая II, он чувствовал свою безнаказанность и вседозволенность. Его деятельность вышла за всякие рамки, особенно после пущенных, очевидно им же слухов о родстве с императором, подняв тем самым среди интеллигенции волну возмущения относительно нарушения всех правовых норм и клеветы на органы власти. Не оставалось сомнений, что иеромонах – новый самозванец, ничуть не лучше Емельяна Пугачева, такого же донского казака, как и он [14, с. 39]. Илиодора тем не менее нельзя назвать сумасшедшим. Он прекрасно понимал, что делал и умело использовал свои организаторские

способности. Перед нами пример выдающегося карьериста и приспособленца.

В эпоху социально-политических революций иеромонах сумел найти свою нишу, создав образ святого подвижника и защитника простого народа от угнетателей и притеснителей. Его фигура значительно выделялась в среде провинциального, по большей части безразличного, пьянствующего и безграмотного духовенства того периода. По воспоминаниям Феофана Полтавского, духового наставника царской семьи, из-за чрезмерной популярности в среде народных масс иеромонах Илиодор «все более и более предавался погубительной гордости» [цит. по: 23, с. 60]. Утрата необходимого для священнослужителя смирения, на смену которому пришли самоуверенность и самонадеянность, чрезмерная гордыня и карьеристские устремления позволили ему с легкостью менять свои политические взгляды, от праворадикальных к левым, а в конечном счете не менее свободно отречься от сана и веры.

Впрочем, риторика о. Илиодора была скорее похожа на пустую демагогию ввиду абсурдности аргументов, примитивности лексики, которую маскировала излишняя экспрессивность. Под маской благочестивого борца за чистоту христианской веры и преданного слуги русского царя скрывался авантюрист без особых убеждений, действовавший лишь для удовлетворения своего безмерного честолюбия и ведомый желанием занять место Г. Распутина, чей статус не давал ему покоя. Между тем провокации, которые он устраивал совместно с епископом Гермогеном, чтобы опорочить царского фаворита, скандальные выходы и конфликты с местной губернской администрацией в конечном итоге привели к краху карьеры обоих священнослужителей. В этой связи примечательно высказывание Саратовского губернатора П. П. Стремоухова, не понаслышке знавшего о. Илиодора, что «служить Богу, либо черту иеромонаху было совершенно безразлично ради достижения своих целей» [14, с. 48].

С именем иеромонаха связано понятие феномена «илиодоровщина» как явления религиозно-анархизма, появившегося еще при его жизни. Объяснение данному феномену находит историк С. Степанов. Сравнивая о. Илиодора с протопопом Аввакумом, он пишет о существовании параллельно с Россией эпохи модернизации патриархальной и традиционной по своему укладу и мировоззрению Руси [5, с. 351]. Однако впервые об «илиодоровщине» было сказано в газете «Речь» сразу после изгнания иеромонаха из Саратовской губернии. В статье с язвительным названием «Саратовские сироты» утверждается о «поражении рясофорных черносотенцев» (имелось в виду удаление из местной епархии о. Илиодора и епископа Гермогена) [24, л. 1]. Автор указывает на двоякость сложившейся ситуации. С одной стороны, они предстают борцами за православную веру, образцом святости

и жертвенности, а с другой, послужили ярким доказательством кризиса церковного управления.

Обобщая вышесказанное, следует отметить репрезентативность последствий упадка синодальной системы, породившей дурной плод в виде политизации и конформизма духовенства [8]. Имея в своем арсенале рычаги давления на умонастроения паствы, РПЦ как никакой другой институт государственного аппарата смог воздействовать на общественное мнение и регулировать его. В эту систему вписывалась и антисемитская риторика иеромонаха Илиодора.

В условиях кризиса государственной системы в антисемитской риторике воплотились определенные идеологические установки, призванные объединить народные массы под эгидой защиты устоев традиционного общества, триады «Православие, Самодержавие, Народность». Церковная пропаганда транслировала устоявшиеся стереотипы, оказывающие воздействие на простого обывателя преимущественно на религиозно-бытовом уровне. Популяризация «образа еврея» использовалась для спасения разваливавшейся и утратившей доверие общества системы. Однако примитивная политика поиска врага, которому можно делегировать ответственность за неудачи государственного курса, неизбежно приводила к углублению кризисных тенденций и общественных противоречий, продемонстрировавших несостоятельность имперского национального дискурса.

Список литературы

1. Из переписки П. А. Столыпина с Николаем Романовым // Красный архив : исторический журнал. 1928. Т. 5 (30). С. 80–88.
2. Клибанов А. И. Русское православие: вехи истории. М. : Политиздат, 1989. 719 с.
3. Святые черносотенцы. Священный Союз Русского Народа / сост. А. Д. Степанов. М. : Институт русской цивилизации, 2011. 1136 с.
4. Политические партии России в период революции 1905–1907 гг.: Количественный анализ : сборник статей / под ред. А. П. Корелина. М. : Институт истории СССР, 1987. 243 с.
5. Степанов С.А. Черная сотня. М. : ЭКСМО, 2005. 538 с.
6. Руководство черносотенца-монархиста. М. : Университетская типография, 1906. 16 с.
7. Седова Я. А. Илиодор. Мистический друг Распутина: в 2 т. Т. 1. М. : Родина, 2022. 776 с.
8. Хижий М. Л. История одного расстриги: иеромонах Илиодор (Труфанов) // Альфа и Омега. 2006. № 2 (46). URL: <http://aliom.orthodoxy.ru/arch/046/hizhy46.htm> (дата обращения: 09.11. 2022).
9. Мраморнов А. И. Иеромонах Илиодор (С. М. Труфанов) в историографии // Вестник Тверского государственного университета. Серия: История. 2008. Вып. 2, № 19 (79). С. 114–125.
10. Редькина О. Ю. Илиодор в Советской России: 1918–1922 гг. // Стрежень: Ежегодник. Вып. 1 / под ред. М. М. Загорулько. Волгоград: ГУ «Издатель», 2000. С. 164–168.
11. Крапивин М. Ю. «Илиодоровское движение» в Царицыне и органы ВЧК (1918–1922 гг.) // Государство, общество, архивы в истории России / сост. Н. В. Штыков. СПб. : Лики России, 2009. С. 135–157.
12. Черная сотня. Историческая энциклопедия 1900–1917 / сост. А. Д. Степанов, А. А. Иванов ; отв. ред. О. А. Платонов. М. : Институт русской цивилизации, 2008. 640 с.
13. Государственный архив Саратовской области (ГАСО). Ф. 1132 (Фонд епископы Саратовские и Царицынские. Ведомства православного исповедания Святейшего Синода. г. Саратов. 1858–1920). Оп. 1. Д. 156.
14. Стремоухов П. П. Моя борьба с епископом Гермогеном и Илиодором // Архив русской революции : в 22 т. Т. 16. Берлин : Слово, 1925. С. 5–49.
15. ГАСО. Ф. 1 (Канцелярия Саратовского губернатора). Оп. 1. Д. 8297.
16. Мизякин Л. Посетитель // Саратовский листок. 1912. 25 дек. № 284.
17. Иеромонах Илиодор. Когда же конец? М. : Вече, 1907. 16 с.
18. ГАСО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 8775.
19. Иеромонах Илиодор. Правда о Союзе Русского Народа, Союзе русских людей и других монархических партиях. Одесса: Одесский Союз русских людей, 1907. 16 с.
20. The mad monk of Russia, Iliodor: Life, memoirs, and confessions of Sergei Michailovich Trufanoff (Iliodor). New York : The century, 1918. 363 p.
21. ГАСО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 7589.
22. Там же. Д. 8772.
23. Бэттс Р. Духовник царской семьи. Архиепископ Феофан Полтавский, Новый Затворник (1873–1940). М. : Даниловский благовестник, 2010. 368 с.
24. ГАСО. Ф. 1132. Оп. 1. Д. 130.

Поступила в редакцию 09.11.2022; одобрена после рецензирования 14.11.2022; принята к публикации 20.01.2023
The article was submitted 09.11.2022; approved after reviewing 14.11.2022; accepted for publication 20.01.2023